

Солнце уже село за горизонт. В главном здании усадьбы семьи Чу за двумя обеденными столами уже расставили еду. За главным столом восседал старик Чу, по обе стороны от него устроились три сына, а рядом — четверо внуков. За этим столом собрались одни мужчины, заняв все места.

За столом в углу тесным кругом теснились женщины, гэр, девушки и дети.

Сегодня к ним неожиданно присоединилась еще и Чу Дамэй: в последнее время, помогая семье с делами Чу Няня, она всё это время жила в родительском доме.

Старик Чу придерживался традиционных и консервативных взглядов. Всю жизнь он тяжело трудился лишь ради того, чтобы его потомство было многочисленным, а род процветал. Единственная дочь давно вышла замуж, а три сына после женитьбы построили дома вокруг старого родового гнезда. Делалось это для того, чтобы жить вместе и не разделять семью: пока он жив, он неизменно остаётся главой этого дома.

Как глава семьи, старик Чу по привычке окинул взглядом горницу и, убедившись, что еда подана, а все на месте, негромко бросил:

— Садитесь за стол!

С этими словами он первым подцепил палочками кусочек еды и отправил в рот. Все присутствующие словно получили знак и тут же дружно принялись за трапезу.

Что ни говори, а на столе в этот вечер красовалось редкое зрелище — четыре блюда и один суп. Помимо вяленого мяса, которое обычно готовили только к новому году, здесь даже нашлась жареная мелкая рыбёшка в кляре: хрустящая снаружи, нежная внутри, золотистая и аппетитная — стоило лишь взглянуть, как во рту начинала выделяться слюна.

В супнице посреди стола поднимал пар горячий суп из зимней тыквы с мясным фаршем, щедро посыпанный кинзой и зелёным луком. Выпить пиалу такого — и душа непременно порадует.

Даже тушёная зелень была сдобрена доброй порцией рапсового масла. Блюдо источало насыщенный чесночный аромат, едва оказавшись на столе, и выглядело куда богаче обычного.

За мужским столом обнаружился ещё и кувшин белого вина. Старик Чу и его сыновья с внуками получили по маленькой рюмочке, а затем, закусывая хрустящей рыбой, с удовольствием пригубили горячительного.

Младший из братьев, Чу Баое, отличался горячим нравом. Он поднёс рюмочку к губам и осушил её единым махом, а опорожнив, с наслаждением зачмокал:

— Отец, а вино-то какво! И правда — пятизерновое из лавки Гуаншэнтан в городке, поистине прекрасный вкус!

Старик Чу недовольно зыркнул на младшего сына:

— Хорошее вино нужно цедить по чуть-чуть, смаковать. А ты, грубиян, проглотил всё разом — разве это не перевод продукта и не порча доброй вещи?

— Вино есть вино, главное — чтобы душа радовалась, к чему столько церемоний? Я своё выпил, теперь за еду примусь, а вы уж смакуйте на здоровье! — Чу Баоэ и не думал смущаться. Натешившись всласть, он ухватился за палочки и принялся за обе щеки уплетать угощение. Хорошее вино на столе не гость постоянный, но ведь и сытная еда — тоже редкость!

Заметив, что старший сын сидит молча, уткнувшись в тарелку, старик Чу постучал палочками по краю его посуды и раздражённо бросил:

— На кого ты лицо кривишь?! Что, жалко тебе стало, что на свадебные деньги твоего Нянь-гэра людям хорошего ужина приготовили?

— Отец, да не жалко мне! — едва услышав это, Чу Дацин замахал руками, словно испуганный ребёнок. Все восемь лямов серебра всё равно хранились у матушки, и как ни жалея, а в его карман не упало бы и медяки. Что есть они, что нет — один чёрт.

Он просто задумался на секунду, а отец, оказывается, всё не так понял.

— Нет — так ешь молча, нечего строить такие физиономии, будто мы тебе все должны.

Младшие были за столом, и старик Чу не захотел продолжать перепалку. Бросив недовольное замечание, он вернулся к своему вину.

Госпожа Чу на другом конце стола, разумеется, слышала разговор деда с внуком. Обид она не терпела и, повернувшись к старшему сыну, тут же заголосила:

— Ой, да ладно тебе, старший! С делами четвёртого мальчишки вроде как покончено и всё уладилось: в семье Сун больше рта не раскроют, а в семье Чжан согласны его забрать. Сплетни во дворецких переулках и пары дней не продержатся, как улягутся — разве не прекрасный исход для всех?

Раз уж всё так удачно, матушка расстаралась приготовить пару блюд отпраздновать это дело да поблагодарить твою третью сестру за хлопоты в последние дни. Разве в этом есть что-то дурное?

Не дожидаясь ответа старшего сына, она перевела взгляд на невестку Ху, задрал подбородок, и прямо обратилась к ней:

— Ну-ка скажи, старшая невестка, стоило нам раскошелиться на добрый ужин или нет?

Внезапно оказавшись в центре внимания, Ху Ляньсян молча закатила глаза. Какое вообще её

дело до всего этого, с какой стати спрашивать её в таком тоне?

— Стоило, — выдавила она натянутую улыбку. Поразмыслив немного, она решила добавить пару слов в угоду свекрови:

— Это наш четырнадцатый хлопот семье доставил, и тройку сестру действительно стоит поблагодарить.

Говоря это, она мимоходом переложила жареную рыбу из своей тарелки в пиалу Чу Дамэй, выражая благодарность делом.

— Ой, золовка, бросьте эти любезности, все же свои люди! Разве мне трудно было хоть немного помочь? — Чу Дамэй церемониться не стала и, договорив, тут же отправила рыбку в рот, поленившись даже выплюнуть косточки.

Эти слова пришлись старой госпоже по сердцу, и та тотчас горделиво задрала нос:

— То-то же! Если бы не твоя третья сестра, которая побежала к семье Чжан и всё уладила, нас бы всю семью из деревни Линцюань выжили! Ты думаешь, староста Сун такой уж стоворчивый человек?

— Верно, матушка говорит правильно, — что ещё оставалось ответить Ху Ляньсян? Что свекровь ни скажет — всё истина. В душе она в очередной раз прокляла Чу Няня: это из-за этой ходячей напасти она теперь век не сможет поднять голову перед свекровью!

Эх! Обычно на столе одна пустая похлёбка, от которой в животе бурлит, и вот стоило чудом дожждаться жареной рыбы, как её пришлось отдать другим.

— Ладно! На этом разговор окончен. Как только Нянь-гэр переступит порог родительского дома, дальше проживем как прежде. Ешьте давай, завтра чуть свет отправляем его в путь!

Упускать редкую возможность насладиться вкусной едой и вином старику Чу не хотелось, и он поспешил пресечь любые разговоры о Чу Няне, способные испортить всем аппетит.

Стоило его словам смолкнуть, как за дверями горницы раздался звонкий, бодрый голос:

— Ого! А вы тут все пируете!

Обернувшись на звук, люди увидели Чу Няня. Переодевшись в чистую одежду, он уверенным шагом вошел в комнату, держа в руках глубокую глиняную миску.

Прямо направившись к женскому столу и бегло окинув взглядом расставленные яства, он усмехнулся:

— Ничего себе! Какое изобилие! Похоже, избавиться от меня вам куда радостнее, чем встретить Новый год!

Его внезапное появление заставило всех умолкнуть. Вся семья разом уставилась на Чу Няня, и в горнице воцарилась тишина.

Ведь этот праздничный стол собрался лишь благодаря тому, что в жертву принесли Чу Няня. Однако застолье шло уже давно, и никто даже не вспомнил позвать парня, напротив — все словно сговорились вычеркнуть его из числа живых.

Человек, который едва не отдал Богу душу да еще перенес жестокую порку розгами — разве мог он надеяться отведать таких деликатесов?

Но происходящее явно шло вразрез со всеми ожиданиями: тот, кто по всем прогнозам должен был лежать пластом, не в силах пошевелиться, сейчас стоял перед ними живой и невредимый.

Судя по его уверенному тону и лёгкой поступи, перед ними был абсолютно здоровый человек.

Да и выглядел он совсем иначе, чем прежде.

Едва оправившись от утреннего разноса свекрови и потеряв лакомый кусочек, Ху Ляньсян при виде Чу Няня вскипела от злости. Заметив, как этот наглец заявляется сюда и портит всем аппетит, она вскочила из-за стола и ринулась к нему, пытаясь вытолкнуть вон:

— Кто звал тебя сюда?! А ну марш к себе в комнату! Если дед с бабкой снова тебя увидят, кусок в горло не полезет!

Чу Нянь и не думал обращать внимание на госпожу Ху. Подняв миску высоко над головой, он ловко увернулся от её толчка и, развернувшись, в мгновение ока зажал между пальцами пару палочек для еды.

— Что за речи? Если я не ошибаюсь, вы тут справляете мои поминки по случаю продажи! Неужто с восьми лямов серебра не найдётся пары ложек еды на моё долю?

Не успели они опомниться, как он шустро заработал палочками, яростно загребая в свою глубокую миску всё подряд с удивительной ловкостью, словно проделывал это сотню раз.

Иными словами, куда бы ни падали его палочки — тарелки опустошались мгновенно, не оставляя даже зелёных листиков.

Пока домашние соображали, в чём дело, миска Чу Няня уже была с горкой наполнена едой. Раз уж ему не выделили законную порцию за общим столом, оставалось положиться на собственные силы и добыть себе пропитание самостоятельно...

<http://bllate.org/book/22371/2346367>